

А. П. Сквородников
Красноярск, Россия

**О СМЫСЛОВОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)**

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется феномен формирования у некоторых ключевых слов-понятий российского политического дискурса, под которыми понимаются наиболее социально и идеологически значимые термины национальной концептосферы, двойной противоречивой оценочной коннотации: позитивной и негативной. Рассматриваются лексемы «элита», «реформа», «модернизация», «оптимизация», «демократия», «толерантность» и «политкорректность». Анализ перечисленных ключевых слов осуществляется с опорой на суждения выдающихся мыслителей XX — начала XXI в.: Эриха Фромма (идея «фетишизма» слов и их употребления помимо присущих им языковых значений), Жана Бодрийяра (аллегорическая сила воздействия слов, обозначающих ценности, на сознание реципиентов); Н. С. Трубецкого, Х. Г. Гадамера, С. Г. Кара-Мурзы (обращавших внимание на несоответствие контекстуальных смыслов некоторых ключевых слов и оборотов своим референтам; таких, как «человечество», «общечеловеческая цивилизация», «демократия», «свобода», «права человека»). На основе контекстологического и компонентного анализов устанавливаются семантические метаморфозы, затрагивающие иногда не только коннотативную часть семантики слова, но и денотативную. Раскрываются языковые механизмы возникновения у рассматриваемых ключевых слов отрицательных оценочных коннотаций и определяется статус последних как ограниченно-дискурсивный. В итоге делается вывод о том, что наличие контрастной смысловой амбивалентности ключевых слов российского политического дискурса является показателем глубокого мировоззренческого и идеологического расслоения политически активной части российского общества по линии оппозиции, которую условно можно обозначить как «консервативное / либеральное».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ключевые слова; политический дискурс; смысловая амбивалентность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; адрес: 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: skapnat@mail.ru.

... И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Николай Гумилёв

... Утверждение, суждение, высказывание
или мнение истинно, если, и только если,
оно соответствует фактам.

Карл Поппер

Эрих Фромм заметил, что «слова можно использовать помимо значений, стоящих за ними. <...> Одна из самых больших опасностей, которую необходимо избегать, это путать слова с фактами; фетишизм слов мешает пониманию действительности» [Фромм 2005: 317]. Фетишизм слов, о котором говорит Э. Фромм, нашел широкое распространение в российском публичном политическом (и — шире — идеологическом) дискурсе. А идеология той или иной группы, класса, как заметил Жан Бодрийяр, «это всегда какие-то массивные сюжеты, содержания, ценности (например, народ, мораль, семья, гуманизм, счастье, потребление), аллегорическая (курсив Бодрийяра. — А. С.) сила которых начинается каким-то неведомым образом сказываться на сознании, дабы интегрировать его в общую систему. Таким образом, на реальные ситуации воздействуют содержания мысли...» [Бодрийяр 2007: 199].

Цель настоящей статьи — рассмотреть метаморфозы «содержаний мысли», обна-

руживаемые в политическом дискурсе российских СМИ, что с наибольшей очевидностью проявляется в сфере ключевых, т. е. социально и идеологически наиболее значимых, терминов, или «актуалем», под которыми понимаются вербальные корреляты «ключевых ментальных единиц, формирующих национальную концептосферу на определенном историческом этапе жизнедеятельности этноса» [Черникова 2007: 72].

На несоответствие контекстуальных смыслов некоторых таких слов своим референтам в разное время обращали внимание крупные мыслители, например, такие, как Н. С. Трубецкой и Х. Г. Гадамер. Первый отмечал неадекватность смыслового употребления таких слов, как *человечество*, *общечеловеческая цивилизация* [Трубецкой 2003: 670]; второй — слов *демократия*, *свобода* [Гадамер 1991: 43—44]. А известный современный российский политолог С. Г. Кара-Мурза, имея в виду такие слова и обороты, как *демократия*, *священная собствен-*

ность, права человека, замечает: «Наш ум заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости» [Кара-Мурза 2008: 17].

Отмеченное явление весьма характерно для современного политического дискурса России. Выражаются эти перверсии прежде всего в различном, часто противоположном коннотативном содержании одних и тех же слов, употребляемых в контекстах разных политических страт российского общества. Причем в отдельных случаях семантические трансформации затрагивают не только коннотативную, но и денотативную часть значения терминов. В качестве примера приведем контексты употребления термина *оптимизация* и его производных.

В словарях современного русского языка существительное *оптимизация* объясняется через раскрытие значений слов «оптимальный» («наиболее благоприятный») и «оптимизировать» — «придать(-авать) чему-л. оптимальные свойства, показатели; выбирать(-бирать) наилучший из возможных вариантов. О системе управления» [Толковый... 2011: 571]. Однако анализ текстов СМИ показал, что на 100 случаев употребления этой лексики приходится 50 употреблений в нормативном значении (с разной степенью выраженности семы позитивности), а 50 % (т. е. половина!) — это контексты, в которых слово *оптимизация* и его производные наделяются отрицательной оценочной коннотацией, например: *Как известно, у нас объявлена очередная реформа образования, только теперь ее несколько глуповато именуют „оптимизацией“. И вот, когда учебный год уже закончился, директор „двойки“ получил приказ областного министра образования Виктора Гутмана о ликвидации в целях оптимизации* (здесь и далее выделено мной. — А. С.). *Последняя, как выяснилось, состоит в уничтожении лучшего ради отъема одного из лучших строений центра города в пользу муниципального ЛОНО* (Новая газета. 2005. № 56); *Уничтожают же не сами медучреждения, не это страшно! Гибнет научная школа, формировавшаяся десятилетиями. Мы жертвуем лечением наших потомков, это и есть рационализация и оптимизация?* (Новая газета. 2014. № 18).

В подобного рода контекстах у слова *оптимизация* и его производных не только формируются негативно-оценочные коннотации, но происходит изменение и денотативной части значений слов. Так сказать, их «пересемантизация», на что, по сути дела, указывают некоторые публицисты, например: *Я бы ничего не реорганизовывал — я бы укре-*

плел то, что есть. Потому что реорганизация в нашем варианте — это оптимизация, то есть сокращение (Аргументы и факты. 2014. № 9); *По задумке чиновников от МОН, „карта“ — это некая электронная таблица всех отечественных учреждений, которая объективно покажет, какие институты и университеты, какие конкретно ученые эффективны, а какие можно „оптимизировать“, то есть уничтожить* (Аргументы недели. 2013. № 47).

Причем эта «пересемантизация» влечет за собой и «перефункционализацию» слов и оборотов, которые начинают использоваться в роли эвфемизмов, на что не без иронии намекают некоторые журналисты: *Можно предположить, что стратегическое мышление руководителей КамаЗа одобряет 90 процентов работников. Но 10 процентов не одобрит ни за что. Эти 10 процентов от 52 тысяч здешнего персонала, как уже стало известно, подлежат сокращению. Постепенному и бережному сокращению, уточняют кадровики. И еще они употребляют ласковое слово „оптимизация“* (Новая газета. 2008. № 27); *Нынешнее руководство завода на той же стороне баррикад, что и Правительство РФ: нет-нет, это не ликвидация завода, а всего лишь „оптимизация“. И вовсе не массовые увольнения, а добровольный уход на пенсию двух тысяч сотрудников* (Новая газета. 2009. № 42).

Трансформация семантики указанной лексики, появление у нее отрицательной коннотации (семы «плохо») происходит при такой организации контекста, когда а) эта лексема ассоциируется со словами, несущими значение прекращения чего-либо, скажем, с такими, как (даем их в глагольной форме) *уничтожить, сократить, уволить, закрыть, урезать, заморозить* и т. п., а также б) в клишированных оборотах, в которых использованы такие управляющие этим словом глаголы, как *попасть и подвергнуться* (см. соответствующие значения этих глаголов в [Толковый... 2011: 696, 663]). Например: а) *Оптимизация по-марийски заключалась в укрупнении перинатального центра в Йошкар-Оле и закрытии родильных отделений в районах республики* (Новая газета. 2008. № 25); *Отделения дневного стационара — это другое направление реформы, именуемое „оптимизацией коек“*. В чем суть оптимизации? Для простоты хочется назвать этот процесс *сокращением*, но чувашские врачи боятся этого слова как огня (Новая газета. 2007. № 11); б) *„Новая газета“ обращается к мэру Москвы Сергею Собянину с просьбой о*

встрече с учителями столичных школ, которые **попали под „оптимизацию“** (Новая газета. 2014. № 115); **Собянин** же двадцать пятого ноября того же, 14, года, выступая на телевизионном канале ТВЦ, сказал: „Мы должны помочь людям, которые **подвергаются оптимизации**“ (Канал «ТВЦ». 25.11.2014). И хотя последний оборот не соответствует норме, он красноречиво говорит о «семантическом сдвиге» в рассматриваемом слове.

Иногда отрицательная коннотация возникает у этой лексики под влиянием ее связи с описываемым негативным процессом: *Была подготовлена бумага, в которой говорилось: „В целях оптимизации производства со следующего месяца вы будете получать 4 000 рублей вместо 5 100, которые были раньше“* (Новая газета. 2006. № 84); *Коммерческий директор был одержим идеей оптимизации творческого процесса и минимизации расходов. Экономить предпочитал на*

зарплатах: провинившихся работников выгонял, не заплатив за последний месяц (Новая газета. 2009. № 16).

Такие же негативные оценочные коннотации возникают и у ряда других ключевых слов российского политического дискурса. Покажем это на примере пяти лексем: *элита, демократия, реформа, модернизация, толерантность* (последнюю рассмотрим вкратце с лексемой-синонимом *политкорректность*).

Читая тексты таких центральных газет разной политической ориентации, как «Новая газета», «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Литературная газета», «Культура», «Завтра», «Русский вестник», мы собрали по 100 случаев употребления вышеупомянутых лексем и на основе контекстного и компонентного анализа зафиксировали возникающую в контексте оценочную коннотацию этих слов (или ее отсутствие). Результаты этого анализа представлены в следующей таблице.

Таблица. Коннотации ключевых слов политического дискурса, %

Лексема \ Коннотация	Нулевая оценочная коннотация	Позитивная оценочная коннотация	Негативная оценочная коннотация
Элита	9	11	80
Демократия	16	13	71
Реформа	15	8	77
Модернизация	24	30	46
Толерантность (политкорректность)	6	31	63

Разумеется, малый объем выборки, а также разная частотность указанных лексем в текстах газет не дают оснований для точных выводов, однако, как нам представляется, позволяют заметить тенденцию. И тенденция эта такова.

В семантике четырех лексем — *элита, демократия, реформа, толерантность* (и синонимичного слова *политкорректность*) — заметно преобладает отрицательная оценочная коннотация над положительной и нейтральной вместе взятыми. У лексемы *модернизация* отрицательная оценочная коннотация преобладает над положительной, но уравнивается довольно частотным нейтральным употреблением. Подчеркнем, что речь идет о коннотации контекстной, так как в словарях современного русского языка при данных словах нет помет эмоционально-оценочного типа (см.: [Толковый... 2011; Большой толковый... 1998]; правда, во втором словаре при значении слова *элита* «лучшие представители общества или какой-л. его части» есть помета «обычно ирон.» [Большой толковый... 1998: 1521]).

Покажем на репрезентативных примерах употребление отмеченных лексем с негативной оценочной коннотацией.

1. Элита. *Откуда возьмется в обществе согласие, если часть элиты имеет счета и недвижимость за границей, там же обитают их семьи и учатся дети, а большинство граждан живет от зарплаты до зарплаты — если есть работа! — с трудом сводя концы с концами?* (Литературная газета. 2013. № 45); *Да, и наше время трудно назвать простым. Но вряд ли были годы в истории страны подлее по отношению к своему народу, чем 90-е годы XX века, когда нация превратилась в богачей и назвала себя элитой* (Комсомольская правда. 20—27 февраля 2014 г.); *Элиты, служащие не своим народам, а личному потреблению, неминуемо вырождаются в тусовки, объединяющие предателей. Они включаются в масштабный проект превращения самой государственности в простой инструмент „распила“ наследия прошлых поколений и легализации украденного в качестве собственных богатств* (Завтра. 2013. № 42); *Сегодня чиновники (а не интеллигенция, не ученые, не инженеры, не учителя) считают себя элитой. Это для себя они принимают новые законы, устраивают помпезные праздники и открывают элитные кладбища. Это они пиллят бюджет и*

повышают себе зарплаты. Это они на фоне российской бедности обустраивают себе красивую жизнь: заказывают дорогие автомашины, мебель с позолотой, импортные унитазы. И это они тормозят развитие гражданского общества (Аргументы и факты. 2013. № 42).

Анализ приведенных и подобных им контекстов позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, поскольку «элита» рассматривается частью общества как самоназвание господствующего класса, значению этого слова свойственна факультативная сема нескромности; во-вторых, легко заметить, что интенсивность отрицательной оценочной коннотации меняется в зависимости от организации контекста. Так, если в первом примере эта оценка вытекает из контрастного описания образа жизни элитариев и «простых людей», то во втором и третьем примерах экспрессия непосредственно выражается в лексике («подлее», «накипь», «предателей», «распила», «украденного»), а в четвертом примере на описание нескромной и нечестной жизни элиты накладываются такие стилистические приемы интенсификации, как экспрессивное перечисление («не интеллигенция, не ученые, не инженеры, не учителя») и параллелизм синтаксических конструкций, в частности, анафора («Это для себя... Это они... Это они... И это они...»).

Заметим также, что во многих контекстах, по существу, содержится перечень социально-политических и психологических факторов, являющихся причиной формирования у слова *элита* (в рассматриваемом значении) отрицательной оценочной коннотации.

2. Демократия. В контекстах употребления лексемы *демократия*, как и в контекстах употребления лексемы *элита*, часто указываются факторы формирования отрицательной оценочной коннотации, например: *Живой труп президента Ельцина представительство в Кремле, а возле него разворывали остатки Советской империи либеральные демократы — Гайдар и его команда...* (Русский Вестник. 2014. № 5); *Запад всегда развивался экстенсивно и сейчас создал условия такие, что живет только за счет третьего мира, хаоса войн. Эта страшная проблема демократического режима, который живет не за счет порядка, но хаоса* (Литературная газета. 2013. № 50); *Модель демократии, которая навязывается Западом, в частности, направлена на то, чтобы глубоко расколоть общество данного государства* (Завтра. 2013. № 34); *Демократия — это возможность самим выбирать себе работодателей* (Телевизор. 2003. № 53).

Многие контексты употребления этой лексемы с большей или меньшей степенью аргументированности указывают а) на фиктивность демократии западного типа и б) на манипулятивное использование этого термина. Например: а) *Сейчас много говорят об „управляемой демократии“, не совсем понимая, что это такое. „Как можно управлять демократией?“ — спросит не искушенный в политике человек и будет прав. Демократия „управляется“ своими внутренними механизмами: реальным (а не фиктивным) разделением независимых властей, реальными (а не декоративными) гражданскими свободами, верховенством закона, свободными (а не управляемыми) выборами, свободными и независимыми средствами массовой информации, разделением власти и собственности, местным самоуправлением, гражданским контролем над властью (прежде всего над спецслужбами) и т. д. Если демократией пытаются „управлять“ как-то иначе, то и называть такой строй надо как-то иначе, например, автократией или авторитарным режимом* (Новая газета. 2004. № 1); *Управляемая демократия — власть узкой группы очень богатых людей и обслуживающих их политических деятелей. Именно эти люди закулисно решают, кто будет управлять, начиная с общегосударственного и кончая местным уровнем* (Русский Вестник. 2014. № 5); б) *Каким образом „религия разума“ привела человека не в Эдем, а в кунсткамеру диктатур, зачастую прикрытых фиговым листком „демократии“?* (Завтра. 2013. № 46); *Главной формой управления современным западным обществом является управляемая демократия, в условиях которой под ширмой псевдодемократических процедур (выборы, голосование и т. п.) доминирует абсолютная власть наднациональной элиты* (Русский вестник. 2014. № 5).

Формирование отрицательно-оценочной коннотации у лексемы *демократия* достигается ее вхождением в различные синтаксические конструкции и смысловые ассоциации, среди которых наиболее компактными группами являются: 1) определительные словосочетания и 2) сочетания предикативные. Наблюдаются, например, сочетания данной лексемы с такими определениями: *управляемая демократия, показная демократия, несовременная демократия, лицемерная демократия, колониальная демократия, отфильтрованная демократия, оголтелая демократия, обезумевшая демократия*. Довольно частотно употребление лексемы *демократия* в оценочных предикативных конструкциях как в группе подлежащего (а), так и в группе сказуемого (б): а) *Вот по-*

этому наша газета в какой-то мере и зажимается, что либералы и **демократы**, и те из них, кто находится у власти, боятся русского национального самосознания и русского национального возрождения (Русский вестник. 2014. № 20); **Ложная демократия** возникает как болезнь в обществе, где элита не исполняет своих общественных обязанностей (Литературная газета. 2003. № 31); **Она** (западная демократия. — А. С.) ориентирована на средний класс <...> То есть на посредственность (Аргументы и факты. 2013. № 42); б) И этот урок россияне тоже хорошо усвоили в 90-е годы, когда апофеозом **демократии** стал расстрел Парламента, а беспрецедентный разгул рыночного фундаментализма был таков, что и сегодня на Западе Ельцина не стесняясь называют „русским Пиночетом“ (Литературная газета. 2013. № 48); И вот наших „**поборников демократии**“ уже вполне устраивает армия, воюющая против народа... (Культура. 2014. № 17); Русское народное представительство не должно иметь ничего общего с лживой западной „**демократией**“, прикрывающей пагубный нравственный плюрализм... (Русский вестник. 2014. № 5).

Обратим внимание на то, что контексты с лексемой **демократия**, в отличие от контекстов с лексемой **элита**, не столько ироничны, сколько фактологичны.

3. Реформа. О том, что понятие и слово **реформа** стало популярным в политическом дискурсе СМИ и воспринимается значительной частью социума в негативном ключе, говорят, например, такого рода контексты: Алфёров назвал себя противником **реформ** в образовании: „Под **реформой** у нас понимают **слом**, а надо развивать“. Результатом „**реформы**“ РАН <...> стало, по сути, **уничтожение** академии (Литературная газета. 2014. № 41); В последние годы слово „**реформа**“ <...> воспринимается чаще всего как синоним „**развала**“ и „**разгрома**“ (Завтра. 2013. № 35).

Типичными контекстами формирования негативной оценочности у лексемы **реформа** являются а) словосочетания разной степени протяженности, содержащие слова с негативной коннотацией, ассоциированные со словом «реформа»: **непопулярная реформа**, **злосчастная „медведевская“ реформа**, **неоднозначная реформа**, **под прессом реформ**, **неудача реформ**, **в искореженной „рыночными реформами“ современной России**, **реформаторский зуд**, **неуспешность реформирования России**, **реформаторское оствержение**; **либеральная реформа образования**, **нацеленная на ликвидацию профес-**

сионалов и штамповку из молодежи „квалифицированных потребителей“ и т. п.; б) предложения, в которых содержатся указания на неблагоприятные цели реформ: **Целью реформы** здравоохранения стало не здоровье, а коммерциализация учреждений, экономия бюджета, и присутствует коррупционная составляющая (Новая газета. 2014. № 8); Сами же **реформы** с самого начала были рассчитаны на то, что из них получилось: превращение постсоветских государств в периферию по обслуживанию мирового капитала (Русский вестник. 2014. № 4); Прочитав книгу, делаешь вывод: одной из настоящих целей „**реформ**“ было банальное ограбление государства и граждан (Литературная газета. 2014. № 40); в) предложения, в которых содержится указание на порочность способов проведения реформ: **Политика российских либеральных реформаторов** была тоталитарной, варварской и безответственной в своей основе (Литературная газета. 2014. № 38); **Правовая реформа в России** оказалась в тупике потому, что ее проводили по схемам, не имеющим к России никакого отношения (Завтра. 2013. № 48); Если вспахать и засеять, то можно быстро получить хороший доход. Почему не используем это? Потому что в годы **реформ** не было настоящего Министерства сельского хозяйства и понимания роли и возможностей этой отрасли (Литературная газета. 2014. № 17); г) предложения, в которых указывается на негативные результаты реформ: ...Все проходящие **реформы** имеют удручающий уровень эффективности (Литературная газета. 2014. № 21); Оттого и результат: Россия после 25 лет всяческих „**реформ**“ оказалась на обочине научно-технологического развития (Литературная газета. 2014. № 41); Обман пенсионеров должен отягощать вину **реформаторов**, которые хладнокровно сожгли в разведенном ими костре инфляции сбережения нашего народа (Аргументы и факты. 2013. № 46); Если наши школьники до начала **реформ** и преобразований входили в первую десятку, то сейчас — в седьмую (Завтра. 2014. № 25).

4. Толерантность и политкорректность. В отношении этих близких понятий — синонимов идеологические расхождения в российском политическом дискурсе наиболее заметны. Это проявляется в том, что отмечено наименьшее количество употреблений этих терминов в нейтрально-оценочных контекстах — по сравнению с другими терминами. Кроме того, показательно то, что в «Новой газете», издании либерального направления, из 37 употреблений этих терминов

лишь в трех случаях они встретились в контексте отрицательно-оценочного типа (ироничного), причем в одной и той же статье Артура Соломонова «Терзания толерантности» (Новая газета. 2010. № 77); остальные контексты либо позитивны (31), либо нейтральны (5). В то же время остальной газетный материал (64 единицы) представляет собой отрицательно-оценочный контекст.

Так же, как и у других лексем, отрицательно-оценочная сема у «толерантности» и «политкорректности» формируется как а) в узких контекстах словосочетаний, так и б) в более широких контекстах предложений или ССЦ. Например: а) *хитроумная политкорректность, антихристианская толерантность, всепобеждающая толерантность, безразличная толерантность, репрессивная толерантность, фальшивая толерантность, „толерантная“ шелуха, обратная сторона толерантности, политкорректное вранье, толерантность и прочие безумные доктрины, стадо толерантных зомби, абсурд политкорректности, бунт толерантности* и т. д.; б) *В условиях всепобеждающего постмодернизма, политкорректности и толерантности трудно ожидать торжества политической мудрости* (Культура. 2014. № 6); *Политкорректность и толерантность* ведут не к решению проблем, а к накоплению озлобления (Русский вестник. 2014. № 25); *Нелюбовь (к России. — А. С.) идет от политиков — от очень маленького процента населения, который тем не менее диктует всему миру правила поведения. Поэтому большинство граждан вынуждены делать вид, что они невероятно толерантны и ничего не имеют против пидоров и чернокожих „понаехавших“* (Аргументы и факты. 2013. № 34); *Настоящую культуру, вкус к ней необходимо прививать в прямом смысле слова, <...> не обращая внимания на призывы к толерантному отношению к духовным сорнякам* (Литературная газета. 2013. № 40).

Как видно из приведенных примеров, в узких контекстах преобладает эмоциональная оценка, в более широких — рациональная.

5. Модернизация. Этой лексеме по сравнению с рассмотренными выше больше «повезло», по-видимому, потому, что общественной критике подвергается не само явление, обозначенное этим словом, а отсутствие его претворения в жизнь (чаще) или способ достижения результата (реже). Отсюда сравнительно небольшое количество малых критических контекстов, в которых, кстати говоря, преобладает рациональная, а не эмоциональная оценка, например: *запаздывающая модернизация, консервативная модернизация, авторитарная модернизация,*

неорганическая модернизация, имитация модернизации, процесс демодернизации. В контекстах большего объема (предложения или ССЦ) отрицательные оценки тоже связаны с неудовлетворенностью процессом модернизации и опираются на рациональную аргументацию, например: *Видимо, какая-то системная ошибка закралась в дерзкие проекты наших модернизационных рывков. Что-то в природе Запада, ускользающее от понимания наших модернизаторов, позволяет ему снова оставлять нас позади* (Новая газета. 2004. № 23); *В реальности ничего такого нет: ни модернизации, ни промышленной политики. Да и промышленности всё меньше становится* (Литературная газета. 2014. № 7); *В то же время для меня совершенно очевидно: никакая серьезная модернизация, никакой рывок в развитии страны без патриотического подъема невозможны* (Аргументы и факты. 2014. № 17); — *Какая основная цель таких „экспертов“? — Их цель под любым предлогом навязать кредиты и займы слабо развитым странам якобы на благие цели, на модернизацию экономики* <...> *А на самом деле эти деньги разворовываются* (Русский вестник. 2014. № 5); *...Системная модернизация экономики, „Большой рывок“, необходимый для возвращения России в число ведущих держав современного мира, даже и не начинались, ограничившись мыльными пузырями Сколково и „Роснано“* (Завтра. 2013. № 39).

Из анализа представленного речевого материала можно сделать некоторые выводы.

1. У ряда ключевых слов современного политического дискурса России, традиционно употребляемых в позитивных контекстах, наметилась тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций, что создает ситуацию смысловой амбивалентности этих слов.

2. Эти отрицательные коннотации носят не языковой, а речевой характер. В то же время они не являются фактом только индивидуального словоупотребления, поскольку выражают точку зрения значительных групп российской общественности. Статус таких коннотаций можно определить как ограниченно-дискурсивный.

3. Во всех рассмотренных контекстах, кроме основной отрицательной коннотации (семы «плохо»), присутствует уточняющая коннотация — сема фиктивности.

4. Указанные коннотации формируются как в контекстах малой протяженности (словосочетаниях), так и в контекстах большей протяженности (предложениях или сочетаниях предложений); причем в первом случае

преобладает эмоциональная оценочность, а во втором — рациональная.

5. Наличие такой контрастной смысловой амбивалентности у ключевых слов российского политического дискурса является показателем глубокого мировоззренческого и идеологического расслоения российского социума, прежде всего его политически активной части. Причем, несмотря на наметившееся в последнее время политическое «многоголосие» [Современный русский... 2003: 159], стержневой является бинарная идеологическая оппозиция, которую условно можно обозначить как «либеральная ментальность ↔ консервативная ментальность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. — М. : Академический проект, 2007.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998.

A. P. Skovorodnikov
Krasnoyarsk, Russia

ON SEMANTIC AMBIVALENCE OF KEY WORDS OF MODERN POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER TEXTS)

ABSTRACT. The article deals with the phenomenon of double controversial connotation of some key words and key concepts of the Russian political discourse. The author considers such lexical units as "elite", "reform", "modernization", "optimization", "democracy", "tolerance" and "political correctness". The analysis of the listed key words is carried out with the support of judgments of outstanding thinkers of the 20th — the beginning of the 21st centuries Erich Fromm (idea of "fetishism" of words and their usage in meanings different from the ones inherent to them in the vocabulary), Jean Bodrilliar (the allegorical force of influence of the words designating values on the consciousness of recipients); N. S. Trubetskoy, H.G. Gadamer, S.G. Kara-Murza (who attracted attention to the discrepancy of contextual meanings of some key words and turns to their referents; such as "mankind", "universal civilization", "democracy", "freedom", "human rights"). On the basis of contextological and component analyses, the author defines the semantic metamorphoses, sometimes modifying not only the connotational constituent of semantics of the word, but also the denotational one. The author also discloses linguistic mechanisms of emergence in the considered key words of negative axiological connotations and defines the status of the latter as partially discursive. As a result, the author comes to the conclusion that the existence of contrastive semantic ambivalence of key words of the Russian political discourse is an indicator of deep world outlook and ideological stratification of the politically active part of the Russian society in accordance with the opposition which could be designated as "conservative / liberal".

KEYWORDS: key words; political discourse; semantic ambivalence.

ABOUT THE AUTHOR: Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Professor-consultant of Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bodriyyar Zh. K kritike politicheskoy ekonomii znaka / per. s fr. D. Kralechkin. — М. : Akademicheskii projekt, 2007.
2. Bol'shoye tolkovyye slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998.
3. Gadamer Kh. G. Aktual'nost' prekrasnogo. — М. : Iskustvo, 1991.
4. Kara-Murza S. G. Poteryannyi razum. — М. : Eksmo : Algoritm, 2008.
5. Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya / Ros. akad. nauk. In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003.

3. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. — М. : Искусство, 1991.

4. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2008.

5. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М. : Языки славянской культуры, 2003.

6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2011.

7. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Русский мир : сб. — М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 663—737.

8. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / пер. с англ.; предисл. П. С. Гуревича. — М. : Айрис-пресс, 2005.

9. Черникова Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. 2007. № 6. С. 71—80.

6. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN. In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. — М. : Azbukovnik, 2011.

7. Trubetskoy N. S. Evropa i chelovechestvo // Russkiy mir : sb. — М. : Eksmo ; SPb. : Terra Fantastica, 2003. S. 663—737.

8. Fromm E. Revolyutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuziy / per. s angl.; predisl. P. S. Gurevicha. — М. : Ayris-press, 2005.

9. Chernikova N. V. Aktual'nye kontsepty i ikh leksicheskie reprezentanty // Filologicheskie nauki. 2007. № 6. S. 71—80.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.